

«Летний сад»

«Времена гражданских смут»

«Подсолнухи. Памяти Елизаветы»

не дала отрезать ногу. Две недели я пролежал в бреду. Вижу сон. Солнечное утро в Ястребовской райбольнице. Выхожу на костылях в сияющий мир, вижу немецкую каску, становлюсь на неё и лечу как на ковре-самолёте в нашу деревню. Меня приветствуют мои друзья. Открываю глаза и вижу лицо мамы, она плачет, улыбается и шепчет: «Слава Богу! Будет жить».

Рисовать он начал, как только понял, что овладел написанием букв и слов. «Ма-ма» – это тоже рисование. Он уверовал в себя: могу нарисовать букву, строку, ворону... Сталина. Реакция взрослых была несколько неожиданной, но впечатляющей. Односельчане вынесли вердикт: быть тебе художником! А один очень строго спросил: «А у тебя есть разрешение вождя рисовать?»

– А как же! – не растерялся Вася.

Отец, оценив способности сына, купил краски и увлечение поощрял. В нём, вероятно, тоже жил художник: руки были золотыми. Они и в немецком плену помогли выжить: мастерил из чего придется игрушки и дарил немцам, а те взамен подкармливали умелца.

Впрочем, вопрос «кем быть?» для Василия решён был не сразу. Кроме рисования, которое действительно увлекало его, была ещё любовь к земле. Завораживали мичуринские идеи: а ну как удастся вырастить такое чудо, чтоб в земле картошка, а на ветках помидоры?! В результате после седьмого класса никак не мог решить, куда поехать: в Курск в художественное училище или в Обоянь в сельхозтехникум? Решил доверить выбор слепому року:

бросил монетку. Так был сделан первый шаг в карьере народного художника России Василия Ивановича Ерофеева.

«Художественно-графическое педучилище находилось на первом этаже здания школы № 6 на улице Радищева, – рассказывает живописец.

В коридорах поразили развешанные живописные работы выпускников: сюжетная композиция «Битва партизан», пейзажи, натюрморты. Боже мой! Неужели так можно писать скачущих коней, сияющие реки и ветер?

Несмотря на большой конкурс, экзамены успешно сданы. Я учился с любовью и удовольствием. На третьем курсе училище переехало в новое здание (сейчас в нём располагается худграф КГУ). Залы и коридоры украшали гипсовые скульптуры. Здесь царил дух искусства, волшебства и необычности.

Александр Фёдорович Балабин – кумир нашей творческой юности – был живописец от Бога.

Потом был Харьковский художественный институт. Здесь педагоги с большой буквы: живописец Сергей Фотиевич Беседин, профессора А. Хмельницкий, А. Константинопольский, А. Шапошников гранили наши таланты и давали знания и умения, необходимые для создания произведений реалистической живописи.

Я работал, учился, посещая выставки, старался понять, как мастера добивались такого звучания красок. Мы допытывались у преподавателей, а слышали вечное: всё дело в отношениях. Мы верили и не верили – скрывают! Придумывали, как лучше смотреть на натуру: через зеркало; стоя вниз головой. Переворачивали работы, ели лимон, чтобы лучше ощущать цвет. Но тайна оставалась за семью печатями, да и сейчас остаётся. Ведь новая картина – это новый мир, новые краски, новые чувства. Я счастливый человек. Жил в эпоху Гагарина, зачитывался Есениным. Мы гордились нашей культурой, искусством, нашей великой Родиной. Верили в справедливость и любовь.

Вера меня не подвела. Аллочка, моя муза, моя любовь! Как только увидел ее, пронзила мысль: «Вот жена моя!» Какой она была задавакой! Со встречи с ней для меня все изменилось, осветилось каким-то светом. Профессор нахваливал мои работы и их забирали в фонд. А ведь пропускал занятия из-за моей ненаглядной. У меня в ногах оставались осколки с 43 года, вот я их по одному и вытаскивал, чтобы получить на три дня больничный. Ноги несли меня на автостанцию, и через три часа я был в Полтаве. Там, где жила моя Аллочка, цвели вишни и яблоны. Она в голубом платье в белый горох, ворчание деда с бабушкой Улей (я им не внушал доверия), да и местный жених с собственным домом не давал покоя. Решение принято: мы уехали в мое село, где нас сразу расписали. Ощущение счастья и любви остается и поныне. Мы сыграли золотую свадьбу.

Земля, Родина, Женщина – для меня это сама жизнь, продолжение ее, это и поля, и хата-мазанка отца с мамой. Без этих понятий не было бы меня – художника, не было моих произведений. Так я и работаю по сей день, славя красоту наших холмистых полей, трудолюбие и неповторимость земляков и особенно землячек.

Распределился после вуза он все-таки в Полтаву. Вообще-то уютный украинский городок пришелся по душе Ерофееву... Но вот биения художественной жизни в нем мало ощущалось. Живописцы работали по своим углам, общались мало... А друзья-однокашники (Евгений Зай-